

С. И. Лиман

**ПРИЩУР СТРОКИ В РОМЕЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ:
ВИЗАНТИЯ ЭПОХИ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ
В ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(XIX – НАЧАЛО XX вв.)**

Македонская династия... Два этих слова говорят медиевисту очень многое. Вершины могущества Ромейской империи! Плеяда правителей, чьи головы были вполне достойны венца, а плечи – порфиры! Грозная поступь новой наёмной армии, покорившей земли сирийцев и болгар! Расцвет в литературе и искусстве («Македонский ренессанс»)! И, конечно, крещение князя Владимира, озарившее языческую северную державу немеркнущим светом христианских лампад... Новые идеи, новые порядки, новые трактаты. Старые амбиции, старые болезни, старые враги. Вывихнутый стан империи на два века покорился искусству умелых царственных Костоправов, но копыта коней катафрактов, ставя клейма новых-старых завоеваний, уже переворачивали чистые страницы ещё неописанных ромейских утрат.

Империя эпохи Македонской династии удивляла, восхищала, тревожила. И опыт её развития довольно рано стал объектом пристального изучения отечественных историков и учёных зарубежья. От себя прибавим: заслуженного! Согласно известному высказыванию Ш. Дила, при Македонской династии «Византийская империя переживала период *несравненного величия* (курсив наш – С. Л.)», а «руководившие ею в продолжении полутора столетий государи почти все без исключения были замечательными людьми»¹. «Вершиной величия» Византии признают эту эпоху и современные отечественные учёные².

В Российской империи научная разработка проблем византийской истории началась с рубежа XVIII–XIX вв. В дореволюционной отечественной византистике нашли своё отражение многие вопросы общественно-политического развития самой России. Среди них – жизненно актуальные на тот период попытки оправдать концепцию «просвещённого абсолютизма» и доктрину «самодержавие – православие – народность», выяснить суть славянофильских и западнических воззрений о непризнании или признании общности исторического развития восточнохристианских и западнохристианских государств, показать имманентные причины кризиса крепостничества, наконец, «глубже разобраться в тенденциях и традициях России, её исторических связях и положении в мировой истории»³.

Отмеченные тенденции общероссийской византистики были в полной мере характерны и для её развития в отдельных регионах империи. Одним из крупных научных центров с богатыми византиноведческими традициями был императорский Харьковский университет, открытый по Уставу 1804 г. История Византии эпохи Македонской династии (867–1056 гг.) неоднократно становилась здесь предметом научных изучений. Однако опыт этих изучений вплоть до настоящего времени ещё не отражён в специальной историографической публикации. В отечественной историографии рассматривались лишь отдельные аспекты данной проблемы. Эти обращения носили контекстный характер и были связаны с изучением творчества отдельных учёных⁴ либо с исследованием развития византистики, медиевистики, славяноведения в Харьковском университете⁵, в Украине⁶, в Российской империи в целом⁷. Масштабы обращений авторов данных трудов к вехам творчества харьковских исследователей весьма различны. Например, в историографической монографии Г. Л. Курбатова лишь упоминается фамилия А. П. Зернина с перечнем его трудов, среди которых и труды, посвящённые византийской истории IX–X вв.⁸ В то же время в фундаментальной монографии Л. В. Гориной «Марин Дринов – историк и общественный деятель» глубокие оценки автора в связи с задачами труда отражают не византиноведческий, а славяноведческий круг его научных интересов⁹. В связи с этим цель настоящей статьи – дать всесторонний анализ изучений учёными императорского Харьковского университета различных проблем истории Византии эпохи Македонской династии (вторая половина IX – середина XI вв.).

Несмотря на то, что первые работы, в той или иной мере затрагивающие отдельные аспекты византийской истории, были созданы в Харьковском университете уже в первые годы его существования, их авторы до середины XIX в. непосредственно не касались эпохи Македонской династии. В то же время уже в ранних актовых речах харьковских учёных, представляющих самые разные науки (историю, философию, право) определилось одно из тех ключевых направлений, в рамках которых в дальнейшем будут проводиться отечественные исследования по истории Византии второй половины IX – середины X вв. Им стала проблема византийско-славянских отношений вообще и влияние византийского законодательства на древнерусское в частности¹⁰. Именно в русле этой тематики в Харькове и в Российской империи в целом было подготовлено первое монографическое исследование – магистерская диссертация Н. А. Лавровского (1825–1899) «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853 г.).

Н. А. Лавровский окончил в Петербурге историко-филологическое отделение Главного Педагогического института. С 1852 г. до назначения его в 1875 г. первым директором Историко-филологического института в Нежине он читал лекции в Харьковском университете в качестве адъюнкта, затем профессора кафедры педагогики, а с 1855 г. – кафедры русской словесности¹¹. Филологическая тематика в трудах Н. А. Лавровского традиционно преобладала над исторической, а его магистерская диссертация имела важное значение для воссоздания главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. По словам самого Н. А. Лавровского, анализ договоров помогает «воскрешать седую

старину и раскрывать те законы, по которым развивалась жизнь русского народа»¹². Прибавим от себя, что в отечественной историографии это была одна из первых специальных работ о византийско-русских отношениях.

Лейтмотивом исследования харьковского учёного стало его утверждение о ромейском происхождении договоров, о бесспорной принадлежности их «к числу переводных памятников»¹³. Для доказательства влияния византийских подлинников на форму и структуру этих договоров, Н. А. Лавровский предпринял глубокий текстологический сравнительный анализ, показав прекрасное знание древнерусского и среднегреческого языков. В структурном плане его магистерская диссертация состояла из четырёх частей, в каждой из которых учёный рассматривал внешнюю форму договоров, построение переводов, синтаксис языка договоров, а также сопоставлял отдельные слова и выражения, встречающиеся в тексте, с византийской лексикой. При этом наибольшую ценность для историков может представлять первая глава диссертации.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, рассмотренных Н. А. Лавровским и не разрешённым до конца по сей день, был вопрос о характере соглашения, заключённого Олегом под стенами Константинополя в 907 г. Харьковский учёный нисколько не сомневался в том, что это – договор, причём договор «отдельный, самостоятельный, скреплённый с обеих сторон клятвою и окончательно решавший вопрос о взаимных торговых сношениях». Но интересовал Н. А. Лавровского в связи с этим совсем другой загадочный вопрос: почему договор 907 г., внесённый в летопись Нестора «без соблюдения надлежащей формы, ...не вошёл в формальный договор 911 г. и почти буквально повторён в договоре 945 года?»¹⁴. Для автора в данном случае всё представлялось предельно ясно: так как при заключении соглашения 907 г. русские преследовали, прежде всего, «...выгоды торговли и не предвидели неизбежных столкновений, требующих точнейшего определения прав и обязанностей, то о последних вовсе и не упомянуто. Когда же опыт убедил в их необходимости, то Олег отправил в Константинополь особых послов, которые и определили отношения этого рода». Этим, по его мнению, главным образом, и объяснялось отсутствие статей 907 г. в заключительном договоре 911 г. Больше затруднений вызывал у автора ответ на вопрос почему Олегов договор 907 г. почти без изменений вошёл в договор 945 г.? «Не позволяя себе относительно его бездоказательных предположений, – отвечал учёный, – скажем здесь только, что ... договор 907 года был вполне самостоятельный, договор 911 года столько же самостоятельный, но по содержанию более частный, договор же 945 года вполне самостоятельный и при том заключающий в себе общие и частные определения прав и обязанностей, с некоторыми опущениями сравнительно с Олеговым, опущениями, которые, вероятно, касались статей более не действовавших при перемене обстоятельств»¹⁵.

Весьма расплывчатые формулировки Н. А. Лавровского при характеристике столь важного вопроса можно объяснить лишь тем, что как филолог он спешил приступить к рассмотрению «внешней формы договоров», а честь заниматься более доказательной источниковедческой базой относительно всего вышеизложенного он негласно оставлял историкам. На это своеобразное завещание

откликнулось с течением времени довольно большое количество наследников, численности которых Н. А. Лавровский явно не мог предвидеть. Отметим, к примеру, что дискуссии относительно договора 907 г. длятся до настоящего времени¹⁶. На дискуссионность и противоречивость данной проблемы указывает, в частности, известный современный византист Г. Г. Литаврин в своей монографии «Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.)»¹⁷. И хотя сам он скорее склоняется здесь к точке зрения Я. Малингуди, считавшей договор 907 г. предварительным соглашением договора 911 г., тем не менее в другой его книге «Византия и славяне» обнаруживается стремление автора дистанцироваться от высказывания однозначного мнения на этот счёт: «Независимо от решения вопроса о том, был ли в какой-то форме заключён договор между Русью и Византией так же в 907 г., или не был заключён, ясно, что мирные торговые связи «из варяг в греки» установились за много десятилетий до 911 г.»¹⁸. Действительно, есть основания вести их отсчет по меньшей мере с начала 60-х гг. IX в.¹⁹

Н. А. Лавровский, как мы помним, колебаний в данном вопросе не обнаруживал, хотя доказательной базой по этой части свою диссертацию не обременял. Доказательства становились всё более убедительными по мере того, как харьковский исследователь углублялся в суть вопроса о византийском влиянии на тексты договоров. Русы, по его мнению, в начале X в. находились ещё «в первой поре развития общественной жизни», а потому «могли выражать свои мысли только так, как им внушал простой здравый смысл, сама природа, не подчиняя их искусственным формам, о которых не имели никакого понятия, и которая появляется в эпоху полного развития гражданственности»²⁰. «Если же русские, – продолжал далее учёный, – сами не могли сообщить внешней форме своим договорам, то они могли получить её только от греков». На основании приведённых им примеров из сборника грамот византийских императоров, собранных Константином Багрянородным, отрывков из хроники Иоанна Малалы, сочинений Феофилакта Симокатты, Георгия Кедрина, Н. А. Лавровский убедительно доказал, что «...внешняя форма, в какую облакали греки различные акты, имевшие официальное значение, сходна с формой договоров»²¹.

Вторая и последующие части диссертации учёного были посвящены главным образом тонким филологическим аспектам проблемы. Наибольший интерес здесь представляет материал выводного характера. Так, византийское влияние на построение периодов, по мнению Н. А. Лавровского, «преимущественно отразилось на их синтаксисе». «Что же касается до размещения составных частей отдельных предложений, – продолжал далее учёный, – то и оно в наших договорах совершенно в византийском характере»²². В дальнейшем им была установлена зависимость синтаксиса языка договоров от среднегреческого языка и доказано в ходе анализа сходство отдельных слов и выражений. Полученные результаты позволили Н. А. Лавровскому ещё раз подтвердить свою мысль об определяющем византийском влиянии на язык договоров, вышедших, следовательно, из секрета имперского ведомства логофета дрома. При этом учёный отметил в заключении, что это влияние на текст договоров «наиболее отразилось в их вступлениях и заключениях и наименее в самих статьях»²³. Такое

мнение разделяют и современные византилисты, углублявшиеся в препарирование филологии источников²⁴.

Вклад Н. А. Лавровского в выяснение отношения текстов договоров русов к не дошедшим до нас греческим текстам, а также в их реконструкцию получил высокую оценку и признание его современников. Во многом учёному удалось создать фундамент для последующих научных изысканий по этой теме в отечественной науке, в том числе в украинских землях Российской империи²⁵. Проблема договоров русских князей с византийскими императорами станет популярной и среди тем медальных студенческих сочинений²⁶. При этом в дальнейшем сам Н. А. Лавровский частично коснётся истории Византии эпохи Македонской династии лишь в небольшой статье «Замечание о гире Константина Багрянородного». В ней учёный активно включится в дискуссию о значении в ранней отечественной истории данного термина, упомянутого в труде знаменитого византийца²⁷.

Современником Н. А. Лавровского в Харьковском университете был А. П. Зернин (1821–1866). С рядом оговорок он может быть признан ключевой фигурой в византистике украинских земель Российской империи середины XIX в., региональным лидером этой отрасли исторической науки того времени и одним из её корифеев общероссийского масштаба²⁸. Подобно Н. А. Лавровскому, он учился в Петербургском Главном педагогическом институте, по окончании которого в 1844 г. был оставлен там для подготовки к профессорскому званию. В 1846 г. в Петербургском университете он защитил магистерскую диссертацию «Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии», что и предопределило его последующие научные интересы. Уже сформировавшимся византистом он прибыл в Харьковский университет. Здесь А. П. Зернин состоял в штате с 1847 по 1863 гг. В 1851 г. он стал экстраординарным, в 1854 г. – ординарным профессором и в течение трёх лет (1859–1862) был деканом историко-филологического факультета.

Несмотря на то, что отзывы современников о лекторских способностях А. П. Зернина весьма различны, от положительных²⁹ до сдержанных и даже критических³⁰, тем не менее он первым в украинских землях Российской империи ввёл в учебный процесс специальные курсы, посвящённые отдельным вопросам византийской истории³¹. Новаторские подходы А. П. Зернин обнаруживал и в научных трудах, каждый из которых базировался на всесторонней комплексной и критической разработке привлечённых им источников. По сути дела, им был заложен новый подход, наметивший истоки будущих успехов отечественной византистики, ставших особенно явственными с последней трети XIX в.

За время работы в Харьковском университете А. П. Зернин подготовил три больших научных очерка по истории Византии, два из которых посвящены правителям Македонской династии: «Император Василий I Македонянин» (1854 г.), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858 г.). Преждевременная смерть в 45-летнем возрасте, ставшая следствием сильного переутомления и почти трёхлетней душевной болезни³², не позволила талантливому учёному осуществить все свои научные замыслы, которые несомненно вывели бы его в лидеры тогдашней византистики Юга России.

Общее, что объединяло все основные работы А. П. Зернина – точка зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси. Вторым превалирующим моментом следует считать преимущественно биографический характер его исследований. Последнее обстоятельство, пожалуй, в наибольшей степени было характерно для его работы о родоначальнике Македонской царственной династии, продержавшейся свыше полутора столетий.

Ученый весьма высоко оценил в своём очерке деятельность Василия, который являлся, по его мнению, «замечательнейшим из византийских императоров после Юстиниана I»³³. Подчёркивая роль василевса как законодателя, исследователь утверждал, что в этом смысле он может быть поставлен рядом с его знаменитым предшественником³⁴. Столь высокие отзывы созвучны и с оценками правления Василия I в источниках³⁵. Новейшая передатировка А. Шминком Прохирона 907–908 гг. не меняют этого верного заключения, поскольку кодификация и переработка юстинианова права в Эпанাগое (Исагоге) и 60 книгах Василия так или иначе была начата до Льва VI Мудрого³⁶.

А. П. Зернину принадлежит несомненная заслуга в том, что героем своего сочинения он избрал императора, деятельность которого была мало изучена в европейской исторической науке. Несмотря на внимание к этой незаурядной личности со стороны византинистов, показательно, что до сих пор поле наблюдений о ней в виде основных, обобщающих работ не назовешь бескрайним³⁷. Уже одно это обстоятельство выгодно оттеняет приоритет харьковского историка, взявшегося за разработку данной проблематики, по меньшей мере, на полвека раньше остальных византинистов. Много сделал учёный и для введения в научный оборот новых источников, в частности, упущенного из виду его предшественниками «Поучения Василия I к сыну Льву Философу». Однако при всей занимательности авторского изложения, научная работа А. П. Зернина напоминает временами художественное произведение, автор которого явно не жалеет эпитетов и красок для апологии своего персонажа. Деяния Василия, человека из народа, до его восшествия на престол напоминают подвиги героев античных мифов. При этом гипертрофированный научный интерес А. П. Зернина к Византии зачастую превращал эту привязанность в плохо скрываемую антипатию по отношению к её соседям болгарам. Но в высшей степени надуманной представляется нам кульминация очерка, где повествуется о победе Василия в нелёгкой борьбе при дворе. Так, признавая, что эта борьба велась всяческими средствами, оставлявшими гораздо больше шансов на успех человеческим порокам, нежели их добродетелям, А. П. Зернин, тем не менее, указывал: «Главная причина его (Василия. – С. Л.) торжества над противниками заключалась в нравственном его превосходстве над ними»³⁸. Едва ли комплот даровитого, но полуграмотного царского конюха, разыгравший кровавую интригу против императора-пьяницы, да и сам изворотливый претендент на трон мог справедливо претендовать на столь высокую оценку.

Помимо описания жизни и деятельности Василия I А. П. Зернин представил во второй части очерка разбор сочинения императора – его «Поучений» к сыну, в котором наиболее отчетливо отстаивались принципы византийской

автократии, того самого самодержавия, наследственные основы которого пытался заложить василевс. Высокий профессионализм историковеда, продемонстрированный здесь А. П. Зерниным, в ещё большей степени проявился в его очерке о царственном внуке Василия, императоре Константина Багрянородном.

Как и в первом сочинении, учёный проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Стал объективнее и сдержаннее подход автора к деятельности своего очередного героя. Сам василевс получил в работе А. П. Зернина неоднозначную оценку. «Константин Багрянородный, – писал учёный, – принадлежит к числу замечательнейших в длинном ряду византийских императоров. При всей ничтожности его в государственном отношении, он должен быть отнесён к разряду исторических личностей, которые вполне выражают собой эпоху, к которой принадлежали»³⁹. Эта оценка далека от характеристики Константина как «безвольного книжника», какой его еще недавно наделяли историки⁴⁰, но едва ли целиком объективна, поскольку правление этого императора (борьба с династами, внешнеполитическая дипломатия) указывают на его сознательные государственные усилия в обустройстве ромейского мира после прихода к власти в январе 945 г. и вплоть до смерти в 959 г.

Очень много места на страницах очерка автор уделил личности предшественника Константина Багрянородного, его регенту, тестю и соправителю Роману I Лакапину. Их борьба друг с другом стала одной из главных сюжетных линий исследования, но, если не брать во внимание эмоциональную сторону подачи материала, фактическая сторона была передана достаточно глубоко и верно. Особенно это касается оценок А. П. Зерниным ключевых вех в деятельности Романа. По его мнению, уже с женитьбы Константина на дочери Романа Елены в апреле 919 г. «началось господство Романа Лакапина»⁴¹. А кульминационным событием в его карьере, позволившей присвоить «всю власть», стала коронация Романа в 920 г.⁴²

Столь же верным следует считать и оценки, данные А. П. Зерниным реальным внешнеполитическим вызовам Византии. Среди этих вызовов харьковский учёный на первое место обоснованно ставил болгарско-византийские отношения⁴³. Трудные войны с таким неудобным соперником как Болгария особенно контрастно описаны А. П. Зерниным на фоне того, что «несравненно большее счастье сопровождало римское (ромейское – С. Л.) оружие в Азии»⁴⁴. Для полноты передачи внешнеполитических реалий, учёный резонно добавил к своему описанию, как «первый», набег венгров на империю в 934 году⁴⁵ и разрушительное вторжение руссов (941)⁴⁶.

Очерк А. П. Зернина увидел свет тогда, когда на создание отечественных концепций византийской истории всё ещё оказывало многотомное сочинение авторитетного английского исследователя Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788 г.). Его попытка представить историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила широкое распространение в отечественных публикациях, курсах лекций и учебной литературе. К чести А. П. Зернина следует сказать, что он был далёк от подобных крайно-

стей. Признавая, что константинопольский двор погряз в интригах⁴⁷ и что это не прекращалось даже тогда, когда болгары стояли у ворот Константинополя⁴⁸, харьковский исследователь старался быть беспристрастным в оценках самого византийского правления. Так, говоря о «беззакониях» Романа I Лакапина, который в течение всего своего правления заботился «преимущественно о возвышении своего семейства»⁴⁹, А. П. Зернин указывал и на его щедрую благотворительность, как «набожного и ревностного сына Церкви»⁵⁰. В то же время харьковский учёный считал тенденциозными описания деяний Константина Багрянородного у Продолжателя Феофана. «Изображение его, – указывал А. П. Зернин, – отличается самым неумеренным хвалебным тоном, так что подходит больше на панегирик, чем и уменьшает доверие к себе. Похвалы, которые он расточает Константину, не только не нашли отголоска в других византийских писателях, но ещё у Кедрина мы находим несколько таких известий, которые заставляют думать, что общее впечатление, какое оставил по себе Багрянородный, скорее было не в пользу его»⁵¹. Эта мысль повторялась в очерке А. П. Зернина и в дальнейшем⁵².

Однако как бы ни оценивалось в источниках и в византистике значение Константина Багрянородного как политика, само его письменное наследие представляет исключительную ценность. Это признавал и сам А. П. Зернин. С одной стороны, по мнению харьковского учёного, «десятое столетие в византийской истории, как известно, считается наиболее скудным по историческим материалам»⁵³. С другой, как указывал историк в дальнейшем, характеризуя значение Константина Багрянородного, «самый выбор предметов, на которые обращена была авторская его деятельность, не мало содействуют к разъяснению его личности»⁵⁴.

Анализируя сочинения Константина, автор наиболее подробно разобрал его труд «Об управлении империей». Это тем более примечательно, что на фоне других сочинений ученого василевса, именно данный трактат был известен хуже, а его боннское издание Иммануила Беккера появилось лишь в 1840 г., то есть на тот момент являлось новинкой, еще недостаточно введенной в научный оборот⁵⁵. Подобное предпочтение исследователь объяснял тем, что на основании именно этого труда «...мы можем судить, как понимал своё государственное значение Константин, и какие уроки преподавал он своему сыну и преемнику»⁵⁶. Упрек в излишнем увлечении цитатами, который может высказать любой исследователь творчества А. П. Зернина, будет справедлив лишь отчасти: таковы были особенности исследовательского приёма учёного, и он обнаруживал их в каждом из своих очерков. Впрочем, такое пространное цитирование имело свое преимущество в том, что позволяло читателю лучше познакомиться с текстом источника и самому извлечь из него то, что прошло мимо внимания автора очерка. В любом случае, столь подробный источниковедческий разбор должен был основательно подкрепить общие выводы работы о Константине Багрянородном: «Он был ревностным хранителем преданий, которыми поддерживалось существование империи, выразив собой всю холодную формальность, которой характеризуется византизм вообще, и, не сумев внести в вялое и отжившее уже свой век византийское общество ни одного жизненного и плодотворного

принципа. Другого значения он не имел, да и не мог иметь по недостатку в нём живой, одушевляющей силы»⁵⁷.

Между тем Г. Г. Литаврин в предисловии к отечественному изданию Константина Багрянородного «Об управлении империей» оценивал его деятельность иначе. Авторитетный византист не только считал, что Константин «...в сущности, продолжил и внутренний, и внешнеполитический курс Романа I», которого А. П. Зернин всячески противопоставлял Константину, но и указывал на колоссальную организаторскую деятельность последнего⁵⁸. Такой взгляд на императора представляется более оправданным, учитывая не столько его ученые познания, порой преувеличиваемые византистами, сколько недюжинные личные политические, дипломатические способности, сравнительно стабильное положение империи к середине X в., укрепление централизованных форм управления государством, внешнеполитические успехи правительства, развитие культуры. Впрочем, предвзятая точка зрения в отношении Константина VII – правителя, у истоков которой стоял А. П. Зернин, имеет большую историографию, свидетельствующую о том, что харьковский византист не был одинок в своих попытках субъективного толкования византийской истории и ее источников⁵⁹. Вопрос же о масштабах преемственности в правлениях Романа I и Константина VII с трудом разрешим однозначно, поскольку сами источники дают об этом разное представление. Если Продолжатель Феофана считает, что Константин нашёл «всё дело в небрежении и запустении», полностью изменил налоговую политику предшественника и «дал беднякам маленькую передышку»⁶⁰, то из законодательных актов Романа I видно, насколько он своими распоряжениями заботился о сохранении мелкого крестьянского землевладения⁶¹ и делал это ещё до воцарения Константина VII.

Несмотря на разную направленность византиноведческих трудов Н. А. Лавровского и А. П. Зернина, эти труды сближали не только их хронологические рамки. Общим в их творчестве следует считать и то значение, какое придавали они византийско-славянским отношениям. Указанная тенденция станет доминирующей в творчестве представителя нового поколения отечественной науки, известного российско-болгарского учёного М. С. Дринова (1838–1906). Он был доцентом, затем профессором кафедры славянской филологии Харьковского университета с 1873 до самой смерти⁶².

В соответствии с учебными задачами кафедры М. С. Дринов читал различные курсы: общий курс славяноведения, историю славянских литератур, историю славян⁶³. Уже в силу специфики указанных предметов харьковский учёный постоянно обращался и к истории славяно-византийских отношений, и к византийскому нарративу как источнику для средневековой истории славян. Хотя антивизантийские высказывания М. С. Дринова, характерные для всего его творчества, встречались в его лекционном курсе по истории славян постоянно⁶⁴, было бы неверным приписывать учёному желание представить Византию абсолютно враждебной стихией. М. С. Дринов признавал, что византийско-болгарские войны сменялись «дружественными отношениями, оказавшими некоторое воздействие на духовную жизнь болгар»⁶⁵.

М. С. Дринов был автором нескольких работ по истории византийско-болгарских отношений эпохи Македонской династии, созданных им в харьковский период деятельности⁶⁶. Ключевые положения его концепции о влиянии Византии на соседние славянские государства были в наиболее развёрнутом и аргументированном виде изложены в основном его труде – докторской диссертации «Южные славяне и Византия в X в.» (1876 г.). Основным источником для написания этой работы послужили три десятка писем Константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907, 912–925), в которых, по выражению М. С. Дринова, «...заключается богатый материал, бросающий довольно яркий свет на тогдашние отношения Болгарии к Византии, а также и к другим её соседям»⁶⁷. И хотя следует признать вполне справедливым утверждение учёного о том, что подавляющее большинство этих писем осталось без внимания его предшественников, всё же правомерен вопрос: можно ли считать достаточной источниковую базу докторской диссертации по истории византийско-славянских отношений всего X в., если основой её служат письма, относящиеся к его первой четверти?

Несмотря на то, что работа была посвящена проблемам внешней политики на Балканах в X в., М. С. Дринов начал своё исследование с крещения Болгарии в 863 г. Это событие, приведшее, по его словам, к установлению крепкого мира с Византией, позволила последней изменить в свою пользу соотношение сил и в других частях Европы. Так, среди успехов умного и деятельного византийского императора Василия I Македонянина М. С. Дринов выделял победу над Каролингами, захват их владений в Далмации и Италии, успехи в борьбе с арабами и т. д.⁶⁸ При этом М. С. Дринов не дал в своей докторской диссертации ясного ответа на очевидный вопрос: насколько напряжёнными были усилия Византии, выигравшей церковную борьбу за Болгарию у римского папы, если присоединение болгар к греко-православной церкви принесло столь очевидные выгоды Константинополю⁶⁹.

Подобное уточнение было бы тем ценней, что оно наверняка внесло бы коррективы в последующие рассуждения учёного. Иначе как понять, что выгодный Византии «крепкий» мир с Болгарией, «был нарушен, как только императора Василия сменил непохожий на него Лев Философ», который «легко подчинялся влиянию людей»⁷⁰. Виновицей нарушения дружественных отношений двух держав в правление Льва Философа и болгарского царя Симеона М. С. Дринов признавал исключительно Византию, а именно: приближённых императора, спровоцировавших своими торговыми злоупотреблениями очередную войну. Козни «торговых людей» из Эллады, Ставракия и Косьмы, судя по молвдулам, коммеркиариев Фессалоники конца IX – начала X вв., их интриги с всесильным тестем василевса, Заутзем, как показывают современные исследования, действительно сыграли в развязанной «экономической войне» 894 г. главную роль, а «болгарская обида» могла проистекать из нарушений основных принципов митатной формы торговли⁷¹. Безусловно, это даёт представление о поводе к очередному витку византийско-болгарского противостояния, но не вполне объясняет, почему на протяжении практически всего своего правления Симеон проводил антивизантийскую внешнюю политику. Между тем, по собственному

признанию М. С. Дринова, «главное внимание его (Симеона – С. Л.) было сосредоточено на пересадке плодов византийской образованности в Болгарию»⁷².

Антивизантизм самого М. С. Дринова в данном случае вполне очевиден. Эта черта его творчества отмечалась его исследователями неоднократно. Однако, перенося свой болгарский патриотизм в область научных исследований⁷³, М. С. Дринову иногда удавалось возвыситься над национальными чувствами. Так, например, он упрекал Симеона за грубый ответ византийскому патриарху Николаю, пытавшемуся предотвратить новую войну, и признаётся, что Симеон всячески стремился овладеть византийским престолом.

Однако противоположных высказываний у М. С. Дринова куда больше. Образы византийских императоров под его пером зачастую выглядят откровенно карикатурно, пресловутое византийское коварство возводится им в абсолют. Отчасти это можно объяснить и тем, что в самих византийских источниках X в. остро критиковались испорченные нравы и интриги ромейской правящей верхушки⁷⁴. Успехи Болгарии в войнах против Византии существенно повлияли, по мнению М. С. Дринова, и на смену власти в Константинополе после Ахелойской и Катасиртской битв, и на сближение Византии с папством (так называемое «единение» 923 г.)⁷⁵, что едва ли можно отнести к выгоде болгарской стороны. То, что степень болгарской угрозы для Византии оценивалась М. С. Дриновым вполне адекватно, свидетельствуют и оценки этой угрозы в исследованиях других авторов. Так, по мнению Ш. Диля, «война с болгарамы является во внешней истории Византии X в. ещё более важным событием, чем войны с арабами»⁷⁶.

В даровании Византией Петру Симеоновичу титула царя Болгарии М. С. Дринов также усматривал неблагоприятный замысел императорского двора. Это произошло во время очередного и очевидного сближения двух стран: «Под шумок торжественных заявлений своей дружбы к правительству Петра, Византия, пользуясь тем, что эти заявления открывали ей все государственные тайны этого правительства, деятельно работала над разложением могущества Болгарского царства, надеясь таким образом возратить себе со временем сделанные этому царству уступки»⁷⁷.

В этом разложении могущества Первого Болгарского царства, – заметим, царства, попортившего немало крови ромеям, – многие историки и до, и после М. С. Дринова винули богомильскую ересь, корни которой крылись в разгромленном Василием Македонянином павликианстве. Сам М. С. Дринов верно и убедительно показал социальную сущность богомилства, признавая, что «еретики встречали большое сочувствие в среде народа»⁷⁸. Вместе с тем, продолжая оставаться по сути заложником своего болгарского патриотизма, учёный указывал на то, что эта ересь «...явилась противодействием сильно утвердившемуся византизму с его роскошным клиром, с его придворными кознями, с его государственным всемогуществом и общественным порядком»⁷⁹. Начало усиленной пересадки этих византийских порядков в Болгарию историк усматривает уже во времена Борисова крещения и царствования Симеона. «Но окончательно дело это было завершено, в особенности по отношению к придворным порядкам, в царствование Петра введением греческой принцессы во дворец»⁸⁰. Таким образом, следуя логике М. С. Дринова и его антивизантий-

ской концепции, задуманное Византией «разложение» Болгарии стало приносить свои плоды задолго до того, как византийские армии после нескольких десятилетий напряженных войн в 1019 г. поставили точку в истории Первого Болгарского царства.

Продолжением этого Первого Болгарского царства учёный считал Западно-болгарское Самуилово царство. В своём творчестве М. С. Дринов отвергал пространённое в современной ему болгаристике утверждение о том, что оно являлось новообразованным государством⁸¹. Данная точка зрения при всей её дискуссионности имеет право на существование. Иначе обстоит дело с утверждениями М. С. Дринова о добровольном признании болгарями своим правителем византийского императора Василия II⁸².

Несмотря на то что главным предметом исследований М. С. Дринова была история средневековых болгар⁸³, тем не менее и в своём творчестве и в своей докторской диссертации он рассматривал историю взаимоотношений с Византией и других южнославянских народов. Учёный неоднократно обращался к сведениям Константина Багрянородного, в том числе для опровержения его данных. Так, например, в опровержение мнения Константина Багрянородного о быстром свержении хорватами франкского владычества⁸⁴ М. С. Дринов привёл данные грамоты Трпимира и письмо императора Людовика II о том, что Каролинги сохраняли свою власть в Хорватии ещё в третьей четверти IX ст.⁸⁵ Это письмо, по словам М. С. Дринова, «наполнено разными жалобами Западного Императора» на враждебные действия Василия I Македонянина, в том числе на нападение в 870 г. византийского флота на земли перетван⁸⁶. К этому же времени М. С. Дринов относил и подчинение Василием I Македоняниным далматинских городов и островов⁸⁷. В первой же четверти X в. учёный отмечал в Хорватии борьбу двух главных влияний – Византии и Болгарии⁸⁸. Несмотря на это эпохой наивысшего возвышения раннесредневековой Хорватии автор считал именно первую четверть X в., время правления Томислава, а временем упадка – середину X в., когда за смертью Крешемира I последовали междоусобицы⁸⁹. В связи с этим М. С. Дринов опроверг утверждения Ф. Рачкого, который считал, что Крешемир I правил в 968–993 гг. Согласно мнению харьковского учёного это правление пришлось на первую половину X в. Позднейшие исследования подтвердили правоту М. С. Дринова о времени возвышения Хорватии, её упадка, времени правления Крешемира I⁹⁰. «Нет сомнения, – указывал М. С. Дринов, – что самостоятельная политика этих могущественных государей зародилась в Византии мысль об уничтожении политического могущества хорватов»⁹¹.

Византийско-сербским отношениям М. С. Дринов уделил в докторской диссертации меньше места, чем византийско-болгарским или византийско-хорватским. Так, новый этап истории Сербии М. С. Дринов считал возможным начать с середины X в., когда сербы возвысились среди других соседних племён «благодаря содействию Византии»⁹². По сути, автор изображал Сербию послушным орудием византийской политики, одинаково враждебной как Болгарии, так и Хорватии. В персональном же плане этим «достойным орудием видов Византии относительно Сербии» М. С. Дринов считал известного князя Чеслава⁹³.

Поэтому в числе важнейших причин ослабления Сербии во второй половине X в. учёный называл изменение отношения к ней Византии⁹⁴. Между тем более подробный анализ особенностей внутривизантийского устройства Сербского государства существенно дополнил бы перечень этих причин.

Несмотря на это монография М. С. Дринова «Южные славяне и Византия в X веке» стала наиболее полным по своему содержанию исследованием византийско-славянских отношений эпохи Македонской династии, подготовленных в императорском Харьковском университете. Что же касается антивизантизма М. С. Дринова, то его можно объяснить не только современными ему противоречиями между болгарской церковью и Константинопольским патриархатом⁹⁵, но и критикой ромейских императоров и общественно-политических порядков IX–XI вв. в трудах самих византийских авторов⁹⁶.

Обращения к византийско-славянским отношениям и содержанию нарратива эпохи Македонской династии осуществлялись не только М. С. Дриновым. Подобные обращения, хотя и значительно менее масштабные, встречаются и в курсах лекций по истории средних веков, истории церкви, истории южных славян, авторами которых были известные учёные Харьковского университета конца XIX – XX вв. – М. Н. Петров, А. С. Лебедев, С. М. Кульбакин, А. Л. Погдин.

Лекции профессора кафедры всеобщей истории М. Н. Петрова (1826–1887) были дважды изданы уже после его смерти (1888; 1906) и в течение двух десятков лет они оставались в России одним из самых удачных учебных пособий по истории средних веков. Это было первое опубликованное в украинских землях Российской империи пособие подобного рода⁹⁷. Редакторы этих лекций – харьковские медиевисты В. К. Надлер и А. С. Вязигин – дополняя текст М. Н. Петрова некоторыми новыми данными науки, по сути, оставили без изменений параграфы по истории Византии. По этой причине есть все основания утверждать, что оценки правления Македонской династии в лекциях М. Н. Петрова принадлежат именно ему.

Несмотря на предельную краткость своих лекций, М. Н. Петров отметил некоторые из наиболее характерных черт развития Византии во второй половине IX – середине XI вв. Сосредоточившись в основном на внешнеполитических вызовах ромейскому могуществу, он выделил несколько направлений таковых – Западный мир, Болгарию, Русь, арабов, печенегов⁹⁸. Именно с середины IX в., по мнению М. Н. Петрова, Запад относится к Византии «постоянно враждебно»⁹⁹. «Враждебность эта, – указывал он далее, – стала обнаруживаться уже при македонской (так в тексте – С. Л.) династии»¹⁰⁰. Ключевым узлом отмеченных противоречий учёный называл Южную Италию, которую Оттон II стремился отвоевать у византийцев. Противодействие Византии Западу в этот период М. Н. Петров считал успешным как в силу его раздробленности, так и в силу того, что «сама македонская династия дала государству ряд достойнейших правителей, умевших поддержать его силу»¹⁰¹. Среди наиболее выдающихся представителей этой династии учёный выделял Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого (Философа), Константина VII Багрянородного, Никифора II Фоку, Иоанна I Цимисхия, Василия II Болгаробойцу, Константи-

на IX Мономах¹⁰². Этот перечень наиболее успешных правителей Македонской династии в настоящее время может считаться уже хрестоматийным.

Помимо субъективного фактора причины устойчивости Византийского государства виделись М. Н. Петрову в высоком уровне культуры и образованности общества, в том, что «нигде не было таких разумных, научно-выработанных законов», «такой развитой и сложной администрации»¹⁰³. Таким образом, причину живучести Византии, – то главное, на что советуют обратить внимание современные византинисты¹⁰⁴, – он прозорливо предлагал искать не во внешних, а во внутренних факторах.

И всё же М. Н. Петрову не удалось в такой мере, как, например, его ученику В. К. Надлеру, освободиться от гиббоновских трактовок, довлеющих над медиевистами его времени¹⁰⁵. Именно ими можно объяснить, что живучесть Византии даже при императорах Македонской династии казалось М. Н. Петрову «удивительной», так как «*по-видимому* (курсив наш – С. Л.) дряхлое государство само по себе заключало так много задатков неминуемого разложения, – вечные дворцовые перевороты, своеволие наёмников, необузданность церковных и политических партий, экономическое истощение»¹⁰⁶. Вполне очевидно, что некоторые из указанных признаков по-разному проявлялись в разные периоды истории Византии IX–XI вв.

Как уже отмечалось выше, отдельные византиноведческие проблемы рассматривались не только в курсе истории средних веков, но и в других исторических курсах. Например, С. М. Кульбакин в «Истории славян» (1908) и А. Л. Погодин в «Славянских древностях» (1910) анализировали сведения о славянах в творчестве императора Константина Багрянородного¹⁰⁷, демонстрируя подчас весьма критический подход¹⁰⁸. «Я не думаю, чтобы из его сочинения можно было извлечь что-нибудь существенное для истории древнейшего расселения славян»¹⁰⁹, – категорично утверждал А. Л. Погодин. В целом же эти лекции дают очень мало материала византинистам. То же можно сказать и о содержании изданного А. Л. Погодиным «Краткого очерка по истории славян» (1915). В этом первом в России издании подобного рода встречаются лишь отдельные упоминания о войнах византийских императоров Македонской династии, в том числе разгром ромеями Первого Болгарского царства¹¹⁰.

Гораздо больше места истории Византии второй половины IX – середины XI вв. уделил в своём курсе «Церковная история» (1902) профессор А. С. Лебедев (1833–1910). Он стремился выяснить причины разделения западной и восточной (византийской) церквей, показать их внутренние отличия друг от друга. Если западная, по мнению учёного, представляла собой в иерархическом плане монархию, то восточная изображалась им как «федерация поместных церквей». Другим существенным отличием А. С. Лебедев считал их отношение к светской власти. Если на Западе первосвященники в течение веков диктовали законным монархам свою волю, то на Востоке «государи постоянно вмешивались в дела церкви, при этом иногда с нарушением церковных интересов»¹¹¹. Однако было бы напрасным занятием искать в лекциях А. С. Лебедева откровенную антизападную официозность. Не говоря уже о том, что отдельные части его работы почти дословно воспроизводят сочинение Д. Робертсона «История

христианской церкви от апостольского века до наших дней», А. С. Лебедев с поразительной объективностью повествует об иноверцах. Даже споры Фотия с римскими папами он считал «личными взаимно-анафемствованиями патриархов, не простиравшиеся на самые церкви, которые в течение 150 лет после Фотия всё ещё хранили между собой единение, хотя и при натянутых отношениях»¹¹². Иначе говоря, в эпоху Македонской династии, по мнению А. С. Лебедева ещё не существовало реального церковного раскола. Такие оценки заслуживают особого внимания на фоне описанных им византийско-болгарских церковных противоречий IX-го и последующих веков, особенно в правление болгарского царя Симеона. Этот правитель, по верному замечанию А. С. Лебедева, «решительно находил несообразным с политическим могуществом своей державы зависимость её по церковному управлению от Византии и объявил архиепископа болгарской церкви»¹¹³. Подобные шаги априори посягали на могущество константинопольских патриархов эпохи Македонской династии в гораздо большей степени, чем их личные дискуссии с римскими папами, и А. С. Лебедев убедительно это показал.

С 1911 по 1917 гг. на кафедре всеобщей истории Харьковского университета преподавал приват-доцент Е. А. Черноусов. Среди других спецкурсов по истории средних веков он ежегодно читал и византиноведческие спецкурсы: «История Византии в эпоху крестовых походов» (1911/1912 уч. г.) и «История Византии» (1912/1913 – 1916/1917 гг.). Объём преподавания был весьма обширным, если судить по тому, что византиноведческие курсы Е. А. Черноусов читал 2 часа в неделю в течение двух полугодий или 4 часа в неделю в течение одного полугодия¹¹⁴.

Тематика читаемых курсов являлась отражением его византинофильских научных интересов. Опубликованные работы Е. А. Черноусова не носили фундаментального характера, не были объединены единой тематикой, однако автор преследовал в них одну и ту же цель – преодолеть прогиббоновское предубеждённое отношение к истории Византии, проповедуемое, например, М. С. Дриновым. Это стремление проявилось уже в пробной лекции «Основные черты государственного и общественного строя Византии» (1909).

Для опровержения тезиса об анахронизме общественного устройства империи учёный указал на то, что достаточно чётко были налажены и законодательство, и финансовая система, существовал класс зажиточных землевладельцев, свободных крестьян, а также цветущие города, являвшиеся центрами ремесла и торговли. «Умственная и духовная жизнь Византии, насколько она выразилась в произведениях церковной и светской литературы, так же мало говорит за то, что родина этой литературы была царством мрака и застоя», – подчёркивал автор¹¹⁵.

Основные идеи, высказанные Е. А. Черноусовым в его пробной лекции, нашли своё подтверждение в ряде научных публикаций. Так, в статье «Страницы из культурной истории Византии XI в.» (1913) учёный считал, что одним из возражений тезису Э. Гиббона об истории Византии, как об истории упадка и разрушения, является состояние самой византийской культуры. Вопреки мнению Э. Гиббона, Е. А. Черноусов доказывал, например, что правительство Констан-

тина Мономаха «решило восстановить начавшее приходить в упадок преподавание наук»¹¹⁶ и черпал свои доказательства в открытом им источнике — новелле, изданной в связи с учреждением в Константинополе юридического лица.

Проблема взаимоотношений Византии и Руси была затронута Е. А. Черноусовым в его очерке «К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское» (1916), который тематически продолжил исследования Н. А. Лавровского и А. П. Зернина. Отразившееся влияние Византии на русское право Е. А. Черноусов исследовал на примере «Русской правды». На основе тщательно проведённого текстологического анализа автор пришёл к заключению, что «расходясь по принципам, а также в большинстве случаев и по способам разыскания с византийским правом», русское право «заимствует у него свою внешнюю форму»¹¹⁷.

Наконец, тезис о высоком уровне развития Ромейской империи был подтверждён Е. А. Черноусовым на основе анализа византийских социально-экономических отношений в статье «Римские и византийские цехи». Статья была написана в связи с публикацией книги А. Штэкли «Позднеримские и византийские цехи». Активность государства в социально-экономической области, по справедливому мнению Е. А. Черноусова, выражалась в том, что оно стремилось регулировать ремесло и торговлю. Для подтверждения своего тезиса учёный детально проанализировал «Книгу Эпарха». Этот ценнейший источник по внутренней истории Византии X в.¹¹⁸, несомненно, даёт необходимый материал любому исследователю системы византийского государственного регулирования¹¹⁹. Значение «Книги Эпарха» Е. А. Черноусов усматривал в том, что она являлась сборником правительственных распоряжений, которые должны были регулировать торговлю, промышленность, ремёсла, точно определять отношение цехов и их членов как к государству с его монополиями, так и к населению Константинополя и к посещавшим его иностранцам¹²⁰. Эта точка зрения впоследствии будет подтверждена в работах М. Я. Сюзюмова¹²¹.

На основании изложенного в статье материала есть все основания утверждать, что императорский Харьковский университет может считаться одним из центров отечественных исследований истории Византии эпохи Македонской династии. Первые специальные исследования, посвящённые данному периоду византийской истории, были подготовлены здесь уже в середине XIX в. Магистерская диссертация Н. А. Лавровского «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853 г.) имела важное значение для воссоздания главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. В очерках ведущего византиниста Юга России того времени А. П. Зернина «Император Василий I Македонянин» (1854 г.), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858 г.). были не только освещены внутривизантийские и внешнеполитические аспекты развития Византии, но и осуществлён специальный глубокий источниковедческий разбор. Актуальным остаётся и творчество известного русско-болгарского историка М. С. Дринова, который в ряде своих публикаций, прежде всего в докторской диссертации «Южные славяне и Византия в X в.» (1876) исследовал ключевые векторы византийской внешней политики (взаимоотношения Ромейской империи с болгарами,

сербам, хорватами). Причины жизнеспособности Византии на материалах IX–XI вв. убедительно показал в своих работах о культурной жизни империи и деятельности её цехов представитель последнего периода дореволюционной харьковской византистики Е. А. Черноусов. Эти работы, наряду с пристальным вниманием к Византии эпохи Македонской династии, проявившимся в ряде лекционных курсов по истории средних веков, истории южных славян, истории церкви, свидетельствовали о несомненных успехах, достигнутых Ромейской империей во второй половине IX – первой половине XI вв. Данная тематика, профессиональное, глубокое, в основном объективное изложение сути исследуемых проблем, несомненно, способствовали постепенному преодолению прогиббоновского антивизантизма, характерного для дореволюционной отечественной и европейской историографии рассматриваемого периода.

¹ Диль Ш. История Византийской империи. – М., 1948. – С. 71.

² Історія Візантії. Вступ до візантиністики / Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б. та ін.: [за ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича]. – Львів, 2011. – С. 264.

³ Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). – Л., 1975. – С. 72–73.

⁴ Ильчук И. С. Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1957. – Вып. 21. – С. 23–26; Горина Л. В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. – М., 1986. – С. 130–145; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина (1821–1866) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2007. – № 762. – Сер.: Історія. – Вип. 39. – С. 241–243; Лиман С. И., Страшнюк С. Ю. Харьковский период научно-педагогической и общественной деятельности Марина Дринова. Критическое прочтение источников // Сборник по случаю 170-годовщины от рождения на проф. Марин Дринов / Българска Академия на науките; Институт по история. – София, 2009. – С. 58–62.

⁵ Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете // Вестник Харьковского университета. – 1991. – № 357. – С. 77–79; Кадеев В. И., Страшнюк С. Ю. Балканистика в Харьковском университете (1805–1917) // Études Balkaniques. – 1991. – № 3. – С. 44; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1885 гг.) // Східний світ. – К., 2006. – № 1. – С. 94–100.

⁶ Копилов С. А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.). – Кам'янець-Подільський, 2005. – С. 201–202; Лиман С. И. Історія середньовічної Сербії в дослідженнях учених українських земель Російської імперії в 1804 – першій половині 1880-х рр. // Вісник Харківської державної академії культури: Зб. наук. пр. – Х., 2007. – Вип. 21. – С. 38–39; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1874–1885 гг. // Stratum plus. – СПб.; Кишенёв; Одесса; Бухарест, 2005–2009. – Вип. 5. – С. 518–519; Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). – Х., 2009. – С. 387–390; 447–450; 454–457; Лиман С. И. История на Първото българско царство в трудове и учебни курсове на украински изследователи (XIX – началото на XX в.) // Списание на Българската академия на науките. – София, 2010. – № 5. – С. 11–13.

⁷ Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX вв. – Л., 1929. – Ч. 1. – С. 16; Курбатов Г. Л. История Византии... С. 78. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. – М., 1988. – С. 222–223.

⁸ Курбатов Г. Л. История Византии... – С. 78.

⁹ Горина Л. В. Марин Дринов – историк и общественный деятель... – С. 133–144.

¹⁰ Подр. см.: Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток?... – С. 442.

¹¹ Формулярный список о службе директора Историко-Филологического института князя Безбородко, Тайного Советника Николая Алексеевича Лавровского за 1880 г. // Нежинский филиал

Государственного архива Черниговской области. – Ф. 1105. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 1 (об.), 2 (об.), 9 (об.); Протоколы заседаний Совета [Харьковского] университета 30 февраля, 13 марта, 28 апреля 1875 г. // Записки императорского Харьковского университета. – 1875. – Т. 2. – С. 17–18.

¹² Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. – СПб, 1853. – С. 1.

¹³ Там же. – С. 4.

¹⁴ Там же. – С. 5–6; см. тексты договоров: Договоры Руси с греками (Из Лаврентьевской летописи). А. Договор Олега (911) // Историческая хрестоматия по русской истории / Сост. Я. Г. Гуревичем и Б. А. Павловичем. – [2-е изд.]. – СПб., 1881. – Ч. 1. – С. 88–90; Договоры Руси с греками (Из Лаврентьевской летописи). В. Договор Игоря (944) // Историческая хрестоматия по русской истории / Сост. Я. Г. Гуревичем и Б. А. Павловичем. – [2-е изд.]. – СПб., 1881. – Ч. 1. – С. 90–92.

¹⁵ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками... – С. 7.

¹⁶ См.: Левченко М. В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // ВВ. – 1951. – Т. 4. – С. 105–126; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 91–176; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси IX – первой половины X в. – М., 1980; Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988; Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jads. aus diplomatischer Sicht. – Thessaloniki, 1994.

¹⁷ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб, 2000. – С. 65.

¹⁸ Литаврин Г. Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 426.

¹⁹ Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – Х., 2001. – С. 247–250.

²⁰ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками... – С. 8.

²¹ Там же. – С. 12.

²² Там же. – С. 15, 29.

²³ Там же. – С. 155.

²⁴ См.: Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge... – Thessaloniki, 1994.

²⁵ См.: Сокальский В. В. О договорах русских с греками // Университетские известия. – 1870. – № 4. – С. 1–29.

²⁶ Темы для семестральных сочинений // Университетские известия. – 1861. – № 2. – С. 13.

²⁷ Лавровский Н. А. Замечание о гире Константина Багрянородного // ЖМНП. – 1873. – № 3. – С. 113–121.

²⁸ Лиман С. И., Сорочан С. Б. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина ... – С. 239.

²⁹ Вейнберг П. И. Харьковский университет в пятидесятых годах // Русское богатство. – 1905. – № 2. – С. 254; Любарский И. В. Воспоминания о Харьковском университете. 1850–1855 // Исторический вестник. – 1891. – № 8. – С. 389.

³⁰ Воронов А. [Г.] Воспоминания бывшего студента Харьковского университета 60-х гг. // Русская старина. – 1913. – Кн. 6. – С. 574; Деревицкий А. Михаил Назарович Петров (Страницы из истории Харьковского университета). Биографический очерк. – Харьков, 1887. – С. 12.

³¹ Об этом писал и сам А. П. Зернин в предисловии к одной из своих публикаций. См.: Зернин А. П. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – Х., 1858. – С. 5.

³² Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). – Х., 1908. – С. 329.

³³ Зернин А. П. Император Василий I Македонянин // Современник. – 1854. – Т. 47. – № 9. – С. 37.

³⁴ Там же. – С. 37.

³⁵ См. напр.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. – СПб., 1992. – V. 29–33. – С. 109–112.

³⁶ Zachairä von Lingenthal K.E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. – Lipsiae, 1893. – S. 22; Герцберг Г. Ф. История Византии. – М., 1897. – С. 10; Сокальский В. В. О договорах русских с греками // Университетские известия. – 1870. – № 4. – С. 17–55; Wenger L. Die Quellen des römischen Rechts. – Wien, 1953. – S. 701–702; Сюзюмов М. Я. Василики как источник для внутренней истории Византии // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 67–75; Каждан А. П. Василики как исторический источник // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 56–66; Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // DOP. – 1959. – № 13. – P. 78; Hunger H. Die

hochsprachliche profane Literatur der byzantiner. – München, 1978. – Bd. 2. – S. 445; *Schminck A.* Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. – Frankfurt a. M., 1986. – S. 100–103; *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 54, 120, 260.

³⁷ *Васильев А.* Происхождение императора Василия Македонянина // ВВ. – 1906. – Т. 12; *Vogt A.* Basile I-er empereur de Byzance. – Paris, 1908; *Adontz N.* L'age et l'origine de l'empereur Basile I // Byzantion. – 1933. – Т. 8; 1934. – Т. 9; *Moravcsik G.* Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I // DOP. – 1961. – № 15.

³⁸ *Зернин А. П.* Император Василий I Македонянин... – С. 50.

³⁹ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – Харьков, 1858. – С. 8.

⁴⁰ История Византии: В 3 т. – М., 1967. – Т. 2. – С. 207.

⁴¹ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – С. 35.

⁴² Там же. – С. 39.

⁴³ Там же. – С. 41.

⁴⁴ Там же. – С. 54.

⁴⁵ Там же. – С. 56.

⁴⁶ Там же. – С. 56–58.

⁴⁷ Там же. – С. 25.

⁴⁸ Там же. – С. 29.

⁴⁹ Там же. – С. 64.

⁵⁰ Там же. – С. 60–62.

⁵¹ Там же. – С. 71.

⁵² Там же. – С. 79–80.

⁵³ Там же. – С. 7.

⁵⁴ Там же. – С. 82.

⁵⁵ *Constantinus Porphyrogenitus.* De Thematibus et De administrando imperio accedit Hieroclis / Rec. I. Bekkerus. – Bonnae, 1840.

⁵⁶ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного... – С. 83.

⁵⁷ Там же. – С. 95.

⁵⁸ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – С. 20, 23.

⁵⁹ *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and His World. – London, 1973. – P. 1–14; *Gregory T. E.* The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // Actes du XV-e Congres International des Etudes Byzantines. – 1980. – Vol. 4.

⁶⁰ *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. – СПб., 1992. – VI, 10. – С. 183; VI, 14. – С. 184.

⁶¹ Из новеллы Романа I Лакапина 922 г., восстанавливающей право предпочтения // Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Под ред. акад. Е. А. Косминского. – М., 1951. – С. 156–157; Из новеллы 934 г. императора Романа I Лакапина (919–914) против династов о праве предпочтительной покупки земельных участков односельчанами // Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Под ред. акад. Е. А. Косминского. – М., 1951. – С. 157–159.

⁶² Извлечение из отчёта о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1873 г. // Записки императорского Харьковского университета. – 1874. – Т. 1. – Отд. 2. – С. 3; Краткий отчёт о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета, читанный в торжественном собрании университета 17 января 1877 г. профессором Л. Владимировым // Записки императорского Харьковского университета. – 1877. – Т. 1. – С. 13.

⁶³ Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1873–74 уч. г. – Харьков, 1873. – С. 4; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1876–77 уч. г. – Харьков, 1876. – С. 4; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1877–78 уч. г. – Харьков, 1877. – С. 4; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1881–82 ак. г. – Харьков, 1881. – С. 4.; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1883–84 ак. г. – Харьков, 1883. – С. 4; *Лиман С. І.* Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. – Дис... канд. іст. наук. – Харків, 1993. – С. 238.

⁶⁴ *Дринов М. С.* Курс лекций по истории славянских народов (Б. г.) // Центральный государственный исторический архив Украины. – Ф. 2026. – Оп. 1. – Ед. хр. 36. – Л. 7, 17 (об.), 19, 29.

⁶⁵ Там же. – Л. 15 (об).

⁶⁶ *Дринов М.* Началото на Самуилова държава // ПСБКД. – 1874. – Кн. 9 – 10; 1876. – Кн. 11–12; *Дринов М.* Три грамоти, дадени от императора Василия на българский «Охридски архиепископ Иоан около 1020 лето» // ПСБКД. – 1873. – Кн. 7–8.

⁶⁷ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия в X в. – М., 1876. – С. 1.

⁶⁸ Там же. – С. 3.

⁶⁹ Ср.: *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – М., 2003. – С. 161–169.

⁷⁰ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 4, 6.

⁷¹ *Oikonomides N.* Le commercion d'Abydos, Thessalonique et le commerce bulgare au IXe siècle // *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin.* – Paris, 1991. – Т. 2: VIIIe – XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrison. – P. 247; *Сорочан С. Б.* О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // *Болгарский ежегодник.* – X.; София, 1996. – Т. 2. – С. 68–70; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – [2-е изд., испр. и доп.]. – X., 2001. – С. 309–310.

⁷² *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 9–10.

⁷³ См.: *Горина Л. В.* Марин Дринов – историк и общественный деятель... – С. 177.

⁷⁴ См. напр.: *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко, ст. М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. – М., 1988. – II. 10. С. 20; III. 2. С. 24 и др.

⁷⁵ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия. – С. 18–19; 27–29.

⁷⁶ *Диль Ш.* История Византийской империи... – С. 77.

⁷⁷ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 70.

⁷⁸ Там же. – С. 74.

⁷⁹ Там же. – С. 78.

⁸⁰ Там же. – С. 84.

⁸¹ *Дринов М.* Три грамоти, дадени от императора Василия на българский «Охридски архиепископ Иоан около 1020 лето» // ПСБКД. – 1873. – Кн. 7–8. – С. 14.

⁸² Там же. – С. 14–15.

⁸³ Ср.: *Горина Л. В.* Марин Дринов – историк и общественный деятель... – С. 130, 167.

⁸⁴ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Пер., комм.; Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М., 1989. – XXX. С. 131, 133.

⁸⁵ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 38.

⁸⁶ Там же. – С. 41.

⁸⁷ Там же. – С. 42.

⁸⁸ Там же. – С. 47.

⁸⁹ Там же. – С. 45, 46, 130.

⁹⁰ *Акимова О. А.* Формирование хорватской раннефеодальной государственности // *Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв.* – М., 1985. – С. 228–229.

⁹¹ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 135.

⁹² Там же. – С. 135.

⁹³ Там же. – С. 137.

⁹⁴ Там же. – С. 146.

⁹⁵ См. напр.: *Певницкий В.* Западный взгляд на болгарский вопрос // *Труды Киевской духовной академии.* – 1861. – Т. 2. – С. 272.

⁹⁶ *Никифор Вриенний.* Исторические записки (976–1087) / Пер. с греч. при С.-Петербургской Духовной акад., под ред. проф. В. Н. Карпова. – СПб., 1858. – Предисл. С. 1; IV, 1. С. 122; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. – СПб., 1992. – I. 14. С. 15.

⁹⁷ *Лиман С. И.* Идеи в латах: Запад или Восток? – С. 578.

⁹⁸ *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории. – СПб., 1906. – Т. 2. История средних веков. – Ч. 1. – С. 105, 106, 120–121.

⁹⁹ Там же. – С. 104–105.

¹⁰⁰ Там же. – С. 105.

¹⁰¹ Там же. – С. 105.

¹⁰² Там же. – С. 105.

¹⁰³ Там же. – С. 106–108; Ср.: *Хвостова К. В.* Особенности византийской цивилизации. – М., 2005.

- ¹⁰⁴ *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 333–346.
- ¹⁰⁵ Ср.: *Надлер В. К.* Юстиниан и партии цирка в Византии. – Харьков, 1876. – С. 1, 4, 10–13.
- ¹⁰⁶ *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории... – С. 106.
- ¹⁰⁷ *Кульбакин С. М.* История славян. Краткое изложение курса, читанного в 1907/8 учеб. г. в ХИУ [Харьковском императорском университете]. – Х., 1908. – Ч. 2. – С. 69, 88, 89 и др.
- ¹⁰⁸ *Погодин А. Л.* Лекции по славянским древностям. – Х., 1910. – С. 392–393.
- ¹⁰⁹ Там же. – С. 392.
- ¹¹⁰ *Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. – М., 1915. – С. 106.
- ¹¹¹ *Лебедев А. С.* Церковная история. – Харьков, 1902. – Ч. 3. – С. 228.
- ¹¹² Там же. – Ч. 2. – С. 31.
- ¹¹³ Там же. – Ч. 3. – С. 352.
- ¹¹⁴ Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1911–1912 ак. год. – Х., 1911. – С. 13; Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1912–1913 ак. год. – Х., 1912. – С. 11; Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1913–1914 ак. год. – Х., 1913. – С. 17.
- ¹¹⁵ *Черноусов Е. А.* Основные черты государственного и общественного строя Византии. Пробная лекция, читанная 6 ноября 1909 г. – Харьков, 1912. – С. 7.
- ¹¹⁶ *Черноусов Е. А.* Страницы из культурной истории Византии XI в. – Харьков, 1913. – С. 4.
- ¹¹⁷ *Черноусов Е. А.* К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. – Юрьев, 1916. – С. 19.
- ¹¹⁸ Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Введение // Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмов. – М., 1962. – С. 5.
- ¹¹⁹ Отметим лишь два весьма красноречивых постановления: «Хлебопёки не подлежат никаким государственным повинностям...». «Легатарию вменяется в обязанность, если он обнаружит, что некоторые лица делают в целях спекуляции запасы привозимых товаров на случай недостатка и нарушают интересы общества, докладывать о таких лицах эпарху, чтобы они были побиты, острижены, а сделанные ими запасы конфискованы». См.: Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмов. – М., 1962. – XVIII. 2. С. 67; XX. 3. С. 68.
- ¹²⁰ *Черноусов Е. А.* Основные черты государственного и общественного строя Византии. Пробная лекция, читанная 6 ноября 1909 г. – Харьков, 1912. – С. 4.
- ¹²¹ *Сюзюмов М. Я.* Византийская книга Эпарха. – М., 1962.